

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Читайте книги Елены Вернер –
одного из самых перспективных авторов современности:

Купальская ночь, или Куда приводят желания

Грустничное варенье

Верни мои крылья!

Черный клевер

Ты – моя половинка

Синяя веранда

Три косточки тамаринда

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Три косточки
Талиаринда

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии
С. Груздева

Вернер, Елена.
В35 Три косточки тамаринда : [роман] / Елена Вернер. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-093605-2

На берегу теплого моря мужчина делает девушке предложение. Она влюблена, но отвечать согласием не спешит — ведь оба знают, что смертельная болезнь скоро удалит ее из списка живущих. Однако Павел настойчив. Что заставляет его не принимать в расчет грядущие проблемы? Всего день он дал на размышления своей Марине. И тогда она решает получить совет у тайской гадалки...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093605-2 © Вернер Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

- С чего начинается человек?
- С плача по умершему.

Мераб Мамардашвили

Даже за день до смерти не
поздно начать жизнь сначала.

Алексей Арбузов.
«Мой бедный Марат»

ПРОЛОГ

Бывают реки, что ровно текут от своего истока к устью и в положенном месте впадают в море. Но бывают и другие. Те, чувствуя морскую близость, ветвятся, будто упрямятся или медлят, и при этом влекутся к нему еще полнее, образуя сеть простертых рук. Тогда-то у реки и появляется дельта.

Часть первая

Ее не раз предупреждали, что рип — это серьезно. Когда она впервые услышала это слово, то не поняла его значения. Аббревиатуру RIP она знала лишь в одном ключе: «Rest in peace», что означает «Покойся с миром», и какое отношение эти скорбные слова имеют к одному из лучших пляжей мира, взять в толк никак не могла. Пока Денис, их гид, худой, гладко выбритый и совершенно свежий в этой невыносимой жаре (Марина видела — подмышки его форменной рубашки-поло сухие, или, может, это местный хваленый кристаллический дезодорант так справляется?), не пояснил:

— Рипом называют отбойное течение. Оно образуется из-за особенностей пляжа и нередко захватывает купающихся. Так что, пожалуйста, не заплывайте далеко от берега и не купайтесь ночью. Если поднимается волнение на море, лучше отправиться на соседний пляж, благо в транспорте тут нехватки не наблюдается. А теперь, друзья, давайте я расскажу вам о...

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Уже потом, после экскурсии, Марина обратила внимание на щиты, установленные у каждого входа на пляж. На них изображалась крупная схема течения, уходящего прочь от берега и несущего с собой в открытое море пловца. Это было предупреждение — и все равно беда случалась здесь уже не единожды.

Отбойное течение. Во время отлива песчаная коса, скрытая под водой, мешает быстрому отходу воды от берега, и в месте, где невидимый лиман соединяется с остальным морем, образуется протока с очень большим водяным давлением. Вода затягивается морем, и вместе с нею там могут оказаться незадачливые купальщики. Не имеет значения, насколько хорош пловец — он может быть олимпийским чемпионом, плещущимся на мелководье ребенком или кумушкой, прыгающей по плечи в воде и обсуждающей с подругой личную жизнь соседки, — течение справится с любым. И неправда, что в море тонут только пьяные, — в море тонут обессиленные, а сопротивляться ему бессмысленно, человек всегда проиграет стихии. Выберется из течения лишь тот, кто знает выход: плыть не к берегу, а в сторону. Чем больше стараться противостоять рипу, тем вернее можно выбиться из сил и поддаться панике, а паника — это вообще последнее дело. Если же плыть параллельно берегу, то через несколько метров течение отпустит, и только так можно выбраться из его упрямого потока... Это справедливо для тех, кто действительно хочет выплыть из рипа. Доплыть до берега, рухнуть на поло-

Три косточки тамаринда

тенце, рассказать ничего не подозревавшим спутникам, что только благодаря собственным знаниям ему удалось избежать гибели, а потом вечером поднимать стаканы за второе рождение. По истечении отпуска вернуться домой, в какую-нибудь холодную страну (ведь любая из стран по сравнению с этой — холодная), и зажить как прежде, лишь изредка припоминая, что, кажется, однажды был на волосок от смерти, но — пронесло.

Марина хотела попасть в рип и не выплыть.

Собственно, чего греха таить, не выплыла она уже давно. Просто выяснилось это только три недели назад. Так бывает, вроде ходит человек под Богом, жив-здоров, доволен собой и не знает, что про него уже всё решили...

Стоя у кромки отступившей воды, она постаралась было по привычке отмахнуться от этих навязчивых сожалений, как пыталась отмахнуться все последние дни, но вдруг почувствовала себя измотанной до предела. Все, это конец. Ничего дальше уже не будет. Сегодня последний день ее жизни. Эту мысль она попробовала на все лады, покрутила, повертела, ощутила горлом и кожей. Как будто в детстве, когда языком трогала прореху от выпавшего молочного зуба: неприятно, чуть больно, но удержаться нет никакой возможности. Она устала бороться, держаться, крепиться и не видела в этом ровно никакого смысла. Лучше закончить все прямо сейчас, чем ждать, когда... Все, хватит.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

На твердой, влажной еще полосе песка осталось лежать ее махровое полотенце, рядом были аккуратно сложены шорты и майка с фиолетовыми пальмами, а плетенная из белой соломки шляпа придавлена полупустой бутылкой воды, чтобы ветер не утащил. Рядом сновали люди. Как же много людей — больших, маленьких, черных, белых, красных от ожогов, худых как жерди, пухлых... Два темнокожих француза перебрасывали друг другу мяч и гортанно переговаривались; молодой отец нес прочь от воды голопопного сына, тот отчаянно ревел и размазывал сопли по лицу. Китайка в черной шляпе с огромными полями пыталась сфотографировать саму себя, держа фотоаппарат на специальной палке... Как же она называется? А впрочем, уже неважно.

Марина зашла в воду. Песок под ступнями немного оползал. Сильная волна чуть не сбила с ног, и Марина решила, что плыть лучше, чем идти, даже несмотря на то, что во время отлива глубина тут на многие метры всего по пояс. Она погрузилась в воду, стараясь не признаваться самой себе, что это приятно — вот так ощущать разгоряченной кожей теплую воду Андаманского моря, разгребать ее руками, отталкиваться ногами от упругой толщи. Солнце затянуло пепельной дымкой, и поблескивающая гладь моря стала металлической. Марина плыла среди расплавленного свинца. Все дальше и дальше.

Она искала рип. Ей бы хотелось быть подхваченной течением и отдаться на его волю, перестать решать. Ей

Три косточки тамаринда

так надоело решать! Пусть хоть раз ее захватит стихия, возьмет в плен и поступит так, как и полагается поступать стихии: разрушительно и жестоко. Перестав грести, она взглянула влево и вправо, на края вытянувшейся полумесяцем бухты. Нет, не было никакого непреодолимого движения, никакой тяги. Ну вот. Она даже утонуть толком не может... Марина принялась грести дальше. Черт с ним, с рипом. Если плыть от берега достаточно долго, пока не оставят силы, то потом выхода уже не будет... Может быть, ядовитая медуза или акула, в крайнем случае судороги. Ведь Вампилов, кажется, так умер? Впрочем, там был Байкал, а на Байкале холодно... Единственный, кто может помешать, — спасатели, но их за все две недели пребывания Марина не видела ни разу. Только катера, которые катают отдыхающих на парашютах и «бананах», да арендованные гидроциклы, один из которых чуть было не пронесся сейчас прямо у нее по голове. Мужчина гаркнул что-то, но слов Марина не разобрала.

А это даже поэтично. Течение, название которого велит покоиться с миром. Волны должны подхватить, унести, укрыть зеленоватым одеялом тропического моря, упокоить. Навсегда. Навсегда. Чтобы больше ни волнений, ни сожалений, ни утомительного в своей справедливости безысходного вопроса «почему это со мной»...

Вскоре Марина запыхалась. Она хотела остановиться и немного отдохнуть, лежа на спине, как делала всегда.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Но сегодня не тот случай. Сегодня надо не перевести дух, а устать, устать до изнеможения, до полного неподчинения тела разуму.

Приближался катер. За ним на длинном тросе высоко-высоко над бухтой парил красный парашют с нарисованными на внутреннем куполе глазами и улыбочкой. Люди под парашютом превратились в две закорючки. Марина в который раз отметила про себя поразительную разношерстность земного мира. Она вот решила покончить с собой, потому что загнанных лошадей пристреливают, а кто-то прямо над ней летит на развеселом парашюте, и жизнь его в этот момент как никогда пикантна и наполнена ощущением пронзительно острого «здесь и сейчас». Все это до того абсурдно... Но идущий полным ходом катер вызывал ее беспокойство. Как бы паренек, сидящий на носу, не заметил ее. Она не знала, что хуже — попасть под винт катера или быть спасенной и выуженной из воды его командой. Не желая решать даже этого, она просто поглубже нырнула. Мир искаженных таинственных звуков, где главный, все более усиливающийся — двигателя катера. Глаза здесь открыть невозможно, уж очень соленая вода. Марина плыла наугад, погружаясь все сильнее. Грохот достиг своего пика и пошел на спад, удалялся, катер явно промчался мимо. На уши давило, воздух в легких заканчивался. Надо же, какое нестерпимое желание вдохнуть. Можно помедлить еще секундочку, и еще, и вот посчитать до раз, два, три, че-

Три косточки тамаринда

тыре... Ее тело вопреки приказам изменило траекторию движения. Как человек, запутавшийся в паутине, стремится поскорее отряхнуть ее, отвести от лица и плеч, так и Марина заработала руками, отгребая воду от себя. В груди жгло огнем. Плотная толща воды покорно вытолкнула ее наверх, и Марина с хрипом втянула в себя воздух. Во рту горчило от морской соли, глаза слезились, сердце больно застревало в самом горле.

Она все-таки откинулась на спину.

За время ее заплыва небо успело зардеться. Дымка вокруг закатного солнца рассеялась. Теперь, когда в мыслях была гремящая пустота, Марина могла бы до скончания веков лежать вот так на спине, отдавшись на волю волн, и смотреть в розовый пепел опрокинутого неба. На какое-то время она отключилась, или ей это показалось. Полностью придя в себя, Марина подняла голову. Ее не существовало. В мышцах и затылке тяжело переливался тот же свинец, что был повсюду. Но что-то все же было не так. Марина пригляделась. Да. Движение. Неторопливое, но неуклонное движение от берега в море. Она нашла рип — или рип нашел ее. Покоиться с миром? Марина сделала несколько пробных гребков. Она не знала, что собирается делать, ею руководила растерянность, а она плохой советчик.

Нет-нет, напомнила Марина себе. Все кончено, все решено, ее смешные попытки остаться в мире живых лучше пресечь на корню. Марина откинулась на спину. Усталое оцепенение исчезло, на смену ему пришли тре-

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

вога, беспокойство, так что живот свело, скрутило, и Марина на секунду скорчилась.

Ее относило все дальше. Берег затягивало влажным туманом. Еще несколько минут, и на набережной начнут вспыхивать огоньки. Марина почувствовала студенистую дрожь. Ей захотелось избавиться от этой воды вокруг нее, захотелось почувствовать под ногами твердую землю, идти, ощущая свое тело, твердость асфальта, сыпучесть песка, а не эту упругую гладкость соленой невесомости. Ей захотелось вернуться туда, в мир живых, где пахнет едой с макашниц¹, которые вот-вот уже приедут на главные улочки, где загорелая дородная аргентинка обмахивается расписным веером, а китайка придерживает шляпу с огромными полями. И может быть, в кафе с клубнично-розовыми стенами Марина украдкой еще взглянет на того скандинавского мужчину, что всегда сидит за крайним столиком... Здесь ли он еще, не уехал ли куда?.. Ей захотелось прожить сегодняшний вечер. Только сегодняшний.

Она резко заработала руками, стараясь превозмочь усталость. Плечи отяжелели, руки слушались с трудом. Несколько рывков на пределе сил — и Марина поняла, что никуда не движется. Ей не совладать с течением. Она почувствовала, что задыхается, накатила душный

¹ Макашницы — передвижные уличные тележки-жаровни, на которых в Юго-Восточной Азии готовят разнообразную еду и тут же продают. (Здесь и далее примеч. авт.)

Три косточки тамаринда

бестолковый страх. Господи, что же делать?.. Только не сейчас. Ей казалось, что ноги тянут ее на дно, и она впервые задумалась: а сколько же тут до дна? Десять метров? Больше? Она и понятия не имела, даже приблизительно, но поняла, что вся эта огромная масса воды тащит ее на своем теле, как кит прицепившегося к спине моллюска. Что делать? Что делать? Вдоль берега. Что — вдоль берега?

Плыть вдоль берега, вспомнила она наконец. Выбраться из рипа можно, не сопротивляясь ему, а направляясь параллельно берегу и перпендикулярно направлению течения. С трудом понимая смысл, Марина все же поплыла. Она гребла руками и ногами, суставы ныли, почти скрипели, будто она стала ржавой шарнирной куклой, ребра резали легкие. Она закашлялась и нахлебалась воды, безрассудно замолотила ладонями по воде, нырнула, всплыла, хватая ртом воздух. Марина боялась взглянуть на берег. Если он еще дальше... Тогда ей уже не выбраться.

Ее отнесло на камни, и, вылезая, Марина изранила ногу и сильно ушибла бок. Пальцы, не подчиняясь больше ничему, кроме инстинкта, так сильно схватились за каменную поверхность, покрытую слизью и коричневым водорослевым налетом, что несколько ногтей ободрались до мяса. Потекла кровь, зашипало, и это немного отрезвило Марину. Она распласталась по бурому камню, чувствуя его горячую скользкую твер-